

УДК 159.9

ГРНТИ 15.31.35

ВОЗРАСТНЫЕ И ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА. ЧАСТЬ 2¹

©2022 г. А. И. Лактионова

** Кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт психологии РАН; г. Москва
E-mail: arap@inbox.ru*

Статья посвящена изучению динамики развития жизнеспособности у мужчин и женщин. Гипотезы исследования: динамика развития жизнеспособности у мужчин и женщин имеет свою специфику и различается в разные возрастные периоды. Общая выборка исследования — 722 человека. Возраст 15–65 лет. Из них: мужчины — 362 человек, средний возраст 30 лет (min — 15, max — 65); женщины — 360 человека, средний возраст 32,39 (min — 15, max — 65). Методики исследования: Шкала оценки жизнеспособности детей и молодежи (Child and Youth Resilience Measure, CYRM); Тест жизнеспособности взрослых Исследовательского центра жизнеспособности (Resilience Research Centre Adult Resilience Measure, RRC-ARM).

Результаты исследования: 1. Гипотеза исследования о том, что динамика развития жизнеспособности у мужчин и женщин имеет свою специфику и различается в разные возрастные периоды, подтвердилась частично. Различия наблюдаются только в группах 18-25 и 26-45 лет. В возрастных периодах 15-17 и 46-65 лет в развитии жизнеспособности между мужчинами и женщинами различий нет. 2. У женщин 18-25 лет по сравнению с 15-17-летними снижаются только показатели индивидуальной и семейной жизнеспособности, значения показателя контекстуальной жизнеспособности остаются прежними. В группе мужчин 18-25 лет все значения показателей жизнеспособности снижаются по сравнению с показателями группы 15-17-летних. 3. У 26-45-летних женщин все значения показателей жизнеспособности значимо выше, чем у 18-25-летних. У мужчин 26-45 лет по сравнению с 18-25 летними значимо увеличиваются значения только показателя контекстуальной жизнеспособности. Других

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07409мк «Социально-психологические ресурсы жизнеспособности человека в условиях неопределенности»

отличий не было выявлено. 4. Несмотря на то, что и у мужчин, и у женщин в 18-25 лет по сравнению с группами 15-17 летних снижаются значения показателей семейной и индивидуальной жизнеспособности, а у мужчин - и контекстуальной, у последних они все равно выше, чем у женщин этого возраста. Таким образом, женщины 26-45 лет «догоняют» мужчин в оценке своей жизнеспособности и все различия между ними нивелируются.

Ключевые слова: жизнеспособность, гендерные различия, возрастные различия, динамика развития, возрастные периоды.

ВВЕДЕНИЕ

Данная статья является продолжением исследования возрастных и гендерных различий жизнеспособности человека (Лактионова, 2021). В предыдущей части работы изучалась динамика структуры жизнеспособности человека в четырех возрастных группах от 15 до 65 лет, а также возрастные и гендерные различия в группах сравнения. Было показано, что: 1. В группах 1 (15-17 лет) и 4 (46-65 лет) ведущую роль играют индивидуальные и семейные ресурсы, в группах 2 (18-25 лет) и 3 (26-45 лет) — только индивидуальные. 2. В возрасте 18-25 лет наблюдается значимое снижение значений всех показателей жизнеспособности, затем в возрасте 26-45 лет происходит увеличение значений показателей семейной, контекстуальной и общей жизнеспособности. Между возрастными группами 26-45 и 46-65 лет различия отсутствуют. 3. Значимые различия по все показателям жизнеспособности между выборками мужчин и женщин, разделенных по возрасту, наблюдаются только в группе 2 (18-25 лет), в остальных группах различий не выявлено. В группе 2 (18-25 лет) значения показателей «Индивидуальная жизнеспособность», «Семейная жизнеспособность» и «Общая жизнеспособность» значимо выше в группе мужчин (Лактионова, 2021, с.123).

Данная часть нашей статьи посвящена изучению динамики развития жизнеспособности у мужчин и женщин в четырех возрастных группах от 15 до 65 лет с учетом гендерных различий, понимаемых, как психологические, социальные и культурные особенности человека. Наше понимание гендера как социально-

психологической и культурной характеристики человека отражено в ряде определений: «разграничение пола и гендера является фундаментальным, так как многие различия между женщиной и мужчиной обуславливаются причинами, не являющимися биологическими по своей природе» (Гидденс, 1999, с. 218). «Гендер, означает, прежде всего, социальные ожидания относительно поведения, рассматривающегося как соответствующее для мужчин и женщин» (Клецина, 2003, с. 157). Таким образом, как показывают И.С. Клецина и Е.В. Иоффе: «Во-первых, гендерные нормы — это разновидность социальных норм. Во-вторых, в гендерных нормах важную роль играет культурная составляющая. В-третьих, основная функция гендерных норм, объединяющая их с социальными нормами, связана с оценкой, регуляцией и контролем поведения. В-четвертых, изучение гендерных норм позволяет прояснить специфику трансформаций в ролевом поведении современных женщин и мужчин» (Клецина, Иоффе, 2019, с. 74).

Вопрос строгого разграничения причин, определяющих различия в поведении мальчиков и девочек и мужчин и женщин, до сих пор представляется спорным и неоднозначным, а мнения ученых по этому поводу могут различаться. Так, например, «Р. К. Унгер отметила, что определение пола обычно включает в себя черты, непосредственно обусловленные биологическим полом, тогда как гендер подразумевает те аспекты мужского и женского, причины возникновения которых еще не известны. Проблема в том, говорит она, что причинно-следственная связь не всегда очевидна и может быть вызвана как биологическими, так и социальными факторами» (Unger, 1988; цит. по: Берн, 2007, с. 12). С точки зрения Р. Левонтина «у детей, которые воспринимаются другими как мальчики, к которым относятся как к мальчикам и которые поэтому считают себя мальчиками, развивается определенная и непротиворечивая полоролевая идентичность. Аналогично у детей, которым приписывается женский пол, развивается женская полоролевая идентичность. Эти полоролевые идентичности независимы от их действительной хромосомной или внутренней морфологической и гормональной конституции» (Левонтин, 1993, с. 168). Как считает И.С. Кон

«Ослабление гендерной поляризации не отменяет полового диморфизма и не устраняет половых различий ни в личностных свойствах, ни в связанных с гендерной принадлежностью интересах и профессиональных предпочтениях» (Кон, 2011, с. 57).

Изучению гендерных различий жизнеспособности человека посвящен целый ряд исследований (Куфтяк, 2017; Лактионова, 2017; Лактионова, 2021; Махнач, 2019 (а, б); Zhang Yunhong, 2014; Berezin Cohen, Netzer, 2020; Iimura, Taku, 2018; Jing Chu Hu et al., 2017; Zhang et al., 2018; и др.). Тем не менее, их результаты неоднозначны и в ряде исследований сообщается об отсутствии обнаруженных гендерных различий (Jing Chu Hu et al., 2017; Nao Yu, 2020).

Причиной этому могут служить, во-первых, разные методики изучения жизнеспособности, во-вторых, культурные различия в социальных нормах, и в-третьих, изучаемые возрастные группы, имеющие свои особенности.

В первой части статьи было показано, что одной из важнейших задач, стоящих перед исследователями жизнеспособности в настоящий момент является совершенствованию методов ее оценки, имеющих кросс-культурную валидность. Это во многом способствовало бы сопоставлению полученных в разных исследованиях данных и расширяло представления о культурно обусловленной специфике жизнеспособности человека.

Отсутствие или наличие гендерных различий также может объясняться возрастными особенностями изучаемой группы респондентов, что было показано в первой части нашей статьи: отсутствие гендерных различий во всех возрастных группах, кроме 18-25 летних (Лактионова, 2021).

Несмотря на солидное количество исследований, мы не обнаружили работ, в которых анализируется динамика развития жизнеспособности с учетом возрастных и гендерных различий. Исходя из этого, такое исследование является актуальным не только с теоретической перспективы, восполняя пробел в данной области знаний, но и с практической, позволяя целенаправленно определять мишени психологического,

психотерапевтического и педагогического воздействия в практике с позиции теории жизнеспособности.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Цель исследования: выявить динамику развития жизнеспособности у мужчин и женщин в разные возрастные периоды.

Гипотеза исследования: динамика развития жизнеспособности у мужчин и женщин имеет свою специфику и различается в разные возрастные периоды.

Выборка и методы исследования

Участники исследования.

Исследование проводилось на выборке мужчин и женщин ($n = 722$), жителях крупных городов России (Москва, Питер, Томск, Чита, Хабаровск и др.). Возраст 15–65 лет. Из них: мужчины – 362 человека, средний возраст 30 лет (min – 15 max – 65); женщины – 360 человека, средний возраст 32,39 (min – 15 max – 65);

Методики исследования.

1. Шкала оценки жизнеспособности детей и молодежи (Child and Youth Resilience Measure, CYRM; Ungar, Liebenberg, 2011);
2. Тест жизнеспособности взрослых Исследовательского центра жизнеспособности (The Resilience Research Centre Adult Resilience Measure, RRC-ARM; Ungar, Liebenberg, 2013) The Resilience Research Centre Adult Resilience Measure (RRC-ARM). Halifax: RRC.).

Оба теста выявляют субъективную оценку ресурсов жизнеспособности в трех областях жизнедеятельности человека по следующим шкалам:

- “индивидуальные характеристики” (включает показатели оценки индивидуальных навыков, индивидуальной поддержки друзьями, индивидуально-социальных навыков);
- “семейная поддержка” (включает показатели оценки физической и психологической заботы);

- “контекст” (включает показатели отношения к стране, оценки культуры, образования и духовности).

По тесту также высчитывается показатель “Общая жизнеспособность”, суммирующим значения показателей по трем шкалам теста.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

С целью выявления динамики развития жизнеспособности у мужчин и женщин в разные возрастные периоды общая группа респондентов ($n = 722$) была разделена на группы мужчин ($n = 362$) и женщин ($n = 360$). В каждой группе было проведено сравнение показателей жизнеспособности в 4 возрастных периодах: группа 1 (15-17 лет), группа 2 (18-25 лет), группа 3 (26-45 лет) и группа 4 (46-65 лет).

1. Сравнения различий по показателям шкал оценки жизнеспособности человека в разных возрастных группах мужчин

Для выявления значимых различий выраженности показателей индивидуальной, семейной, контекстуальной и общей жизнеспособности в группах респондентов-мужчин было проведено их попарное сравнение по критерию Манна-Уитни (табл. 1 – 3).

Таблица 1

Результаты сравнения средних значений показателей по критерию Манна-Уитни в двух выборках мужчин: группа 1 (N = 95, 15-17 лет) и группа 2 (N = 105, 18-25 лет)

Шкалы	N	Средний ранг	Сумма рангов	U Манна-Уитни
ЖСП индивидуальная	95	109,53	10405,00	,036
	105	92,33	9695,00	
ЖСП семейная жизнеспособность	95	114,61	10888,00	,001
	105	87,73	9212,00	
ЖСП контекстуальная	95	114,52	10879,50	,001
	105	87,81	9220,50	
ЖСП общая	95	114,68	10895,00	,001
	105	87,67	9205,00	

Жизнеспособность респондентов-мужчин группы 2 (18-25 лет) имеет значимо более низкие значения по шкалам индивидуальной, семейной, контекстуальной и общей жизнеспособности по сравнению с группой 1 (15-17 лет). Это можно объяснить теми изменениями, которые происходят в жизни молодых людей в этом возрастном периоде. Семья, даже если молодые люди продолжают проживать со своими родителями, часто не рассматривается ими в качестве психологического ресурса. Перемена условий жизни в случае переезда в другой город, необходимость налаживания контактов в новой социальной среде и совмещения учебы и работы, непривычная форма обучения в вузе, — это и многое другое оказывает негативное воздействие. Необходимость адаптации к изменяющимся условиям среды, перестройка работы системы ресурсов жизнеспособности во всех сферах приводит к снижению их субъективной оценки в группе респондентов.

Таблица 2

Результаты сравнения средних значений показателей по критерию Манна-Уитни в двух выборках мужчин: группа 2 (N = 105, 18-25 лет) и группа 3 (N = 90, 26-45 лет)

Шкалы	N	Средний ранг	Сумма рангов	U Манна-Уитни
ЖСП индивидуальная	105	101,85	10694,00	,303
	90	93,51	8416,00	
ЖСП семейная	105	94,17	9887,50	,304
	90	102,47	9222,50	
ЖСП контекстуальная	105	89,84	9433,00	,029
	90	107,52	9677,00	
ЖСП общая	105	94,58	9931,00	,360
	90	101,99	9179,00	

Между группами мужчин 18-25 лет и 26-45 лет значимые различия наблюдаются только по показателям контекстуальной жизнеспособности, более высокой в группе 3 (26-45 лет), включающей связь с культурой, религиозный опыт и духовность, значимость образования и отношение к стране. Полученные нами данные говорят о том, что мужчины группы 3 лучше себя чувствуют в социуме по сравнению с респондентами группы 2 (18-25) лет. Как было показано нами ранее «адаптация к условиям

деятельности и социализация в коллективе сотрудников и во взаимоотношениях с руководством, осознание профессиональных и карьерных целей, и, как следствие, повышение мотивации и наличие профессиональных достижений позволяют мужчинам группы 3 (26-45 лет) увереннее себя чувствовать и выше оценивать свои контекстуальные ресурсы жизнеспособности по сравнению с респондентами группы 2 (18-25 лет)» (Лактионова, 2020, с.114).

Таблица 3

Результаты сравнения средних значений показателей по критерию Манна-Уитни в двух выборках мужчин: группа 2 (N = 105, 18-25 лет) и группа 4 (N = 72, 46-65 лет)

Шкалы	N	Средний ранг	Сумма рангов	U Манна-Уитни
ЖСП индивидуальная	105	86,86	9120,00	,501
	72	92,13	6633,00	
ЖСП семейная	105	81,46	8553,00	,018
	72	100,00	7200,00	
ЖСП контекстуальная	105	80,04	8404,50	,005
	72	102,06	7348,50	
ЖСП общая	105	82,17	8627,50	,032
	72	98,97	7125,50	

Показатели, оценивающие семейную, контекстуальную и общую жизнеспособность, у мужчин группы 4 (46-65 лет) значимо выше, чем у респондентов группы 2 (18-25 лет). По показателям индивидуальной жизнеспособности значимых различий не выявлено. Как мы уже писали ранее в части 1 нашей статьи (Лактионова, 2021, с.115-116), это объясняется тем, что наше общество относится к обществам кофигуративного типа, где обучение идет не по вертикали, а по горизонтали (Мид, 1988; Махнач, 2018). В свою очередь наличие жизненного и профессионального опыта и профессиональных достижений, а также сложившиеся семейные, дружеские и профессиональные отношения позволяют респондентам группы 4 (46-65 лет) выше оценивать свои ресурсы семейной и контекстуальной жизнеспособности.

Выводы: Попарное сравнение групп мужчин в разных возрастных группах с вычислением достоверности различий между ними (по критерию U Манна–Уитни) позволило выявить:

1. Сравнение значений показателей жизнеспособности между выборками мужчин группы 1 (15-17 лет) и группы 2 (18-25 лет) показывает значимо более высокие значения показателей индивидуальной, семейной, контекстуальной и общей жизнеспособности в группе 1 (15-17 лет).
2. В группе 2 (18-25 лет) значения показателей контекстуальной жизнеспособности мужчин значимо ниже, чем в группе 3 (26-45 лет). Других отличий не обнаружено.
3. При сравнении выборок мужчин группы 2 (18-25 лет) и группы 4 (46-65 лет) наблюдаются значимо более высокие значения показателей семейной, контекстуальной и общей жизнеспособности в группе 4 (46-65 лет).
4. Различий между показателями жизнеспособности в группе 3 (26-45 лет) и в группе 4 (46-65 лет) не обнаружено.

Таким образом, траектория развития жизнеспособности у мужчин разных возрастных групп от 15 лет до 65 лет выглядит следующим образом: значимое снижение значений всех показателей жизнеспособности в возрасте 18-25 лет, затем увеличение значений показателей контекстуальной жизнеспособности в возрасте 26-45 лет и отсутствие различий между возрастными группами 26-45 и 46-65 лет.

2. Сравнения различий по показателям шкал оценки жизнеспособности человека в разных возрастных группах женщин

Для выявления значимых различий выраженности показателей индивидуальной, семейной, контекстуальной и общей жизнеспособности в группах респондентов-женщин было проведено их попарное сравнение по критерию Манна-Уитни (табл. 4 – 6).

Таблица 4

Результаты сравнения средних значений показателей по критерию Манна-Уитни в двух выборках женщин: группа 1 (N = 83, 15-17 лет) и группа 2 (N = 89, 18-25 лет)

Шкалы	N	Средний ранг	Сумма рангов	U Манна-Уитни
ЖСП индивидуальная	83	95,48	7924,50	,022
	89	78,13	6953,50	
ЖСП семейная	83	99,79	8282,50	,001
	89	74,11	6595,50	
ЖСП контекстуальная	83	93,53	7763,00	,073
	89	79,94	7115,00	
7ЖСП общая	83	97,70	8109,50	,004
	89	76,05	6768,50	

Жизнеспособность женщин из группы 1 (15-17 лет) имеет значимо более высокие значения показателей индивидуальной, семейной и общей жизнеспособности по сравнению с группой 2 (18-25 лет). Выше дано было объяснение данного феномена в группе мужчин 18-25 лет. Можно констатировать, что это в равной степени относится и к респондентам-женщинам данного возраста. Между показателями контекстуальной жизнеспособности в этих группах значимых различий (табл. 4) не выявлено в отличие от выборки мужчин, контекстуальная жизнеспособность которых значимо ниже в группе 18-25 -летних в отличие от 15-17 -летних (табл. 1). Подробный анализ полученных нами результатов описывается ниже в разделе «обсуждение результатов».

Таблица 5

Результаты сравнения средних значений показателей по критерию Манна-Уитни в выборках женщин: группа 2 (N = 105, 18-25 лет) и группа 3 (N = 98, 26-45 лет)

Шкалы	N	Средний ранг	Сумма рангов	U Манна-Уитни
ЖСП индивидуальная	89	80,38	7153,50	,001
	98	106,37	10424,50	
ЖСП семейная	89	84,87	7553,00	,028
	98	102,30	10025,00	
ЖСП контекстуальная	89	79,34	7061,00	,000
	98	107,32	10517,00	
ЖСП общая	89	79,45	7071,00	,000
	98	107,21	10507,00	

В Таблице 5 отражены значимые различия между всеми показателями жизнеспособности в группах женщин, более высокие у 26-45-летних по сравнению с группой 18-25-летних.

Вместе с тем при сравнении показателей в мужской выборке между этими же возрастными группами значимые различия были выявлены только по показателям контекстуальной жизнеспособности (табл. 2). Ниже в разделе «обсуждение результатов» будет приведено объяснение полученных различий.

Таблица 6

Результаты сравнения средних значения показателей по критерию Манна-Уитни в двух выборках женщин: группа 2 (N = 89, 18-25 лет) и группа 4 (N = 90, 46-65 лет)

Шкалы	N	Средний ранг	Сумма рангов	U Манна-Уитни
ЖСП индивидуальная	89	83,91	7468,00	,117
	90	96,02	8642,00	
ЖСП семейная	89	77,59	6905,50	,001
	90	102,27	9204,50	
ЖСП контекстуальная	89	75,25	6697,00	,000
	90	104,59	9413,00	
ЖСП общая	89	76,58	6816,00	,001
	90	103,27	9294,00	

В группе женщин 18-25 лет значения всех показателей, кроме показателя индивидуальной жизнеспособности значимо ниже, чем в группе 46-65 летних. И снова мы можем констатировать, что механизмы усиления семейной и контекстуальной жизнеспособности в отличие от индивидуальной, которая не различается при сравнении этих возрастных групп, одинаковы для мужчин и женщин.

Выводы: Парное сравнение выборок женщин в разных возрастных группах с вычислением достоверности различий между ними (по критерию Манна–Уитни) позволило выявить:

1. Сравнение значений показателей жизнеспособности в выборках женщин группы 1 (15-17 лет) и группы 2 (18-25 лет) показывает значимо более высокие значения показателей индивидуальной, семейной и общей

- жизнеспособности в группе 1 (15-17 лет). По показателям контекстуальной жизнеспособности значимых отличий не выявлено.
2. В группе женщин 2 (18-25 лет) значения показателей индивидуальной, семейной, контекстуальной и общей жизнеспособности значимо ниже, чем у женщин группы 3 (26-45 лет).
 3. При сравнении выборок женщин группы 2 (18-25 лет) и группы 4 (46-65 лет) наблюдаются значимо более высокие значения показателей семейной, контекстуальной и общей жизнеспособности в группе 4 (46-65 лет). По показателям индивидуальной жизнеспособности отличий не выявлено.
 4. Различий между значениями показателями жизнеспособности в группе 3 (26-45 лет) и в группе 4 (46-65 лет) не обнаружено.

Таким образом, возрастная траектория развития жизнеспособности у женщин от 15 лет до 65 лет выглядит следующим образом: значимое снижение значения показателей индивидуальной, семейной и общей жизнеспособности наблюдается в возрасте 18-25 лет, затем увеличение значений всех показателей жизнеспособности в возрасте 26-45 лет и отсутствие различий между возрастными группами 26-45 и 46-65 лет.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Полученные нами данные сравнения динамики развития жизнеспособности в группах юношей и девушек 15-17 и 18-25 лет, показывают, что у молодых людей в 18-25 лет все значения показателей жизнеспособности значимо ниже, чем у юношей 15-17 лет, а у девушек этой возрастной группы снижения контекстуальной жизнеспособности по сравнению с 15-17-летними не происходит, что можно объяснить особенностями гендерных норм. «Гендерные нормы — это правила, образцы поведения, стандарты деятельности мужчин и женщин как членов общества и представителей разных социальных групп (Клещина, Иоффе, 2019, с. 73). Так, Л.В. Карапетян и Г.А. Глотова, проведя исследование на студенческой выборке, указывают на то, что у студентов-мужчин «начинает сильнее проявляться фактор отношения к себе как к взрослому

человеку, тогда как в женской части выборки во многом сохраняется отношение к себе как к «ученице» высшей школы» (Карапетян, Глотова, 2018, с. 66). На снижение контекстуальной жизнеспособности студентов-юношей также может оказывать влияние тот факт, что «девушки в большей степени характеризуются «пассивно-вынужденным» типом планирования, большей обращенностью в будущее (значимо выше число мечтаний и ожиданий), для них характерно наличие проработанной ближайшей жизненной перспективы (1–2 года). Для молодых людей более характерен тип «ориентации на долгосрочное планирование», т.е. их цели чаще относятся к более удаленным срокам (от 3 лет)» (там же, с. 181). Более долгосрочные планы и отношение к себе, как к взрослому, по-видимому, заставляет юношей субъективно ниже оценивать свои характеристики контекстуальной жизнеспособности.

Как известно, гендерные стереотипы, также во многом определяют предписанные мужчинам и женщинам нормы поведения и отношения к успеху. Например, для мужчин это в первую очередь успешность в построении карьеры и величина заработка. По данным Е.А. Савостиной и соавторов «59,7% девушек, объясняя причины выбора направления дальнейшего обучения, руководствуются не престижностью и доходностью профессии, а своими способностями. Отвечая на вопрос о своем будущем, каждый второй юноша и лишь 30% девушек отметили, что «постараются иметь хорошую зарплату» (Савостина и др., 2017, с. 40). О «достоверно более низких значениях показателей карьерной направленности у женщин по сравнению с мужчинами» речь идет и в другом исследовании (Мельникова, 2016, с. 79).

В то же время в работе М.А. Ерофеевой и О.И. Ключко отмечается «изменение поведенческих моделей юношей и девушек... в направлении от традиционалистского к эгалитарному типу» (Ерофеева, Ключко, 2020, с. 230). Однако «молодежь провинциальных городов чаще демонстрирует приверженность традиционным нормам женского поведения... по сравнению с девушками и юношами, проживающими в мегаполисе» (там же).

При сравнении динамики развития жизнеспособности женщин и мужчин группы 2 (18-25 лет) и группы 3 (26-45 лет), в нашем исследовании было показано, что у мужчин значимо возрастают значения показателей только контекстуальной жизнеспособности, более высокие в группе 26-45-летних, в то время, как у женщин этой возрастной группы значимо выше показатели и индивидуальной, и семейной, и контекстуальной жизнеспособности. Однако, следует отметить, что несмотря на то, что и у юношей, и у девушек в 18-25 лет по сравнению с группами 15-17-летних снижаются значения показателей семейной и индивидуальной жизнеспособности, а у юношей — и контекстуальной, у последних они все равно выше, чем у девушек этого возраста (по контекстуальной при этом между ними различий нет). Таким образом, женщины 26-45 лет «догоняют» мужчин в субъективной оценке ресурсов своей жизнеспособности и все различия между нивелируются (Лактионова, 2021). Исходя из этого мы предполагаем, что изменения в семейном положении, рождение детей, выстраивание отношений с коллегами, развитие в профессии, оказывают более глубокое воздействие на женщин, делая их более уверенными и значительно повышая их индивидуальную, семейную и контекстуальную жизнеспособность. В то время, как для мужчин наиболее значимыми оказываются адаптация к условиям жизни, осознание карьерных целей и наличие профессиональных достижений. Так по данным другого исследования «мужчины и женщины отмечают разные факторы, оказывающие наибольшее влияние на их уровень удовлетворенности. Для мужчин на первый план выходит активная социальная жизнь, профессиональная востребованность, сексуальная активность, спорт, потребность нравиться. Для женщин важны такие факторы, как возможность помогать, семейные связи, быть любимыми» (Гареева, Степанова, 2019, с. 74). Как показывает М.М. Мишина: «от периода юности к первому периоду зрелости по мотивационному компоненту существуют значимые различия: у мужчин более выражено наличие целей в жизни, ее осмысленность, направленность на самореализацию, они альтруистичны в оценке ситуации и ориентированы на общение с принятием других; у женщин более

выражены этические и индивидуалистические ценности. Эмоциональный компонент отражает выраженность экспрессивности эмоциональных переживаний, чувствительность и эмоциональность у женщин по сравнению с мужчинами. По регулятивному компоненту для женщин более характерен внешний локус контроля, отражающий уровень развития социального интеллекта и ориентацию на внешние социальные признаки, а для мужчин — самодостаточность, самоконтроль и конкретная концептуализация» (Мишина, 2016, с. 128).

Полученные нами данные согласуются с результатами исследования, проведенного Т.П. Емельяновой и Т.В. Семеновой, которые показывают, в частности, что при сравнении четырех возрастных групп молодежи «признаки тревожно-депрессивного состояния чаще встречаются в группе (17-23 года). Менее всего подвержена ему старшая группа респондентов (29-35 лет)» (Емельянова, Семенова, 2021, с. 90). В свою очередь Е.А. Рыльская и Л.Д. Мошкина приводят, полученные ими данные об «отрицательных корреляциях жизнеспособности с показателями невротичности, депрессивности и эмоциональной лабильности» у студентов 18 - 22 лет (Рыльская, Мошкина, с. 30).

Также указывается на снижение социального статуса и автономии женщины в возрастной период, связанный с материнством, которое «является причиной гендерно-обусловленной трансмиссии экономического неравенства на весь жизненный цикл женщины» (Баллаева, 2015, с. 197). Монотонность жизненных условий, потеря автономности, высокие физические и психологические нагрузки могут приводить к снижению самооценки и возникновению негативных переживаний у женщин (Окаева, 2017; Семья и дети ..., 2020 и др.).

Однако наше исследование, наоборот, показывает повышение субъективной оценки ресурсов жизнеспособности во всех областях в группе 26-45 летних женщин по сравнению с 18-25 летними. Возможно этот факт можно объяснить, исходя из тех изменений, которые происходят в гендерных отношениях и нормах в настоящее время.

Так И.С. Клецина и Е.В. Иоффе, проведя анализ целого ряда исследований, констатируют, что «женщины чаще мужчин демонстрируют новые модели ролевого поведения, которые изменяют существующие гендерные отношения» (Клецина, Иоффе, 2019, с. 74). Как отмечает И.С. Кон: «Ведущими процессами стали индивидуализация и плюрализация, позволяющие мужчинам и женщинам выбирать стиль жизни и род занятий более или менее безотносительно к их половой принадлежности, как в соответствии с традиционными нормативными предписаниями, так и вопреки им» (Кон, 2011, с. 57-58).

ВЫВОДЫ

1. Гипотеза исследования о том, что динамика развития жизнеспособности у мужчин и женщин имеет свою специфику и различается в разные возрастные периоды, подтвердилась частично. Различия в характеристиках жизнеспособности наблюдаются только в группах 18-25 и 26-45 лет. В возрастных периодах 15-17 и 46-65 лет в динамике развития жизнеспособности между мужчинами и женщинами различий нет.

2. У женщин 18-25 лет по сравнению с 15-17-летними снижаются только значения показателей индивидуальной и семейной жизнеспособности, значения *контекстуальной жизнеспособности остаются прежними*. В группе мужчин 18-25 лет все значения показателей жизнеспособности (*включая контекстуальную*) снижаются по сравнению с группой 15-17-летних.

3. У 26-45-летних женщин все значения показателей жизнеспособности значимо выше, чем у 18-25-летних. У мужчин 26-45 лет по сравнению с 18-25 летними значимо возрастают только значения показателей *контекстуальной жизнеспособности*. Других отличий не обнаружено.

4. Несмотря на то, что и у мужчин, и у женщин в 18-25 лет по сравнению с группами 15-17 летних снижаются значения показателей семейной и индивидуальной жизнеспособности, а у мужчин еще и *контекстуальной*, у последних они все равно выше,

чем у женщин этого возраста. Таким образом, женщины 26-45 лет «догоняют» мужчин в оценке своей жизнеспособности и все различия между нивелируются

ЛИТЕРАТУРА

- Баллаева Е.А.* Устойчивость современной семьи в России и гендерные отношения // Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире. М.: Экон-Информ, 2015. С. 193-200.
- Берн Ш.* Гендерная психология. Законы мужского и женского поведения / Пер. с англ. С. Рысев. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. 318 с.
- Гарева И.А., Степанова А.П.* Влияние гендерных различий на социальное самочувствие населения // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 3 (88). С. 73–80. DOI: 10.22394/1818.4049-2019-88-3-73-80.
- Гидденс Э.* Социология / Пер.с англ. В. Малышенко. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 703с.
- Емельянова Т.П., Семенова Т.В.* Социальное самочувствие молодежи: психолого-политические аспекты // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2021. Т. 6. № 4. С. 87-102. DOI: 10.38098/iprap.opwr_2021_21_4_004.
- Ерофеева М.А., Ключко О.И.* Представления о нормах женского поведения у российской студенческой молодежи // Человеческий капитал. 2020. № 10(142). С. 223-233. DOI: 10.25629/НС.2020.10.19.
- Карапетян Л.В., Глотова Г.А.* Исследование параметров эмоционально-личностного благополучия российских студентов (окончание) // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2018. № 3. С. 60-75. DOI: 10.11621/vsp.2018.03.60.
- Клецина И.С.* Теоретические основания психологии гендерных отношений // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2003. Т. 3. № 6. С. 154-166.
- Клецина И.С., Иоффе Е.В.* Нормы женского поведения: традиционная и современная модели // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 72-90. DOI: 10.21064/WinRS.2019.3.6.
- Клецина И.С., Векилова С.А.* Гендерные отношения в российской семье: тенденции трансформаций // Женщина в российском обществе. 2020. № 3. С. 78-91. DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.7.

Кон И.С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 1. С. 51-65.

Куфтяк Е.В. Возрастные и гендерные особенности жизнеспособности в юношеском возрасте // Вестник КГУ Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. № 4. С. 31-33.

Лактионова А.И. Взаимосвязь смысловых образований и рефлексивности с жизнеспособностью человека // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 37–50. DOI: 10.7868/S0205959217050038.

Лактионова А.И. Возрастные и гендерные различия жизнеспособности человека. Часть 1 // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2021. Т. 6. № 4. С. 103-133. DOI: 10.38098/iprap.opwr_2021_21_4_005.

Левонтин Р. Человеческая индивидуальность: наследственность и среда. / Пер. с англ. М. С. Егорова. М.: Издательская группа "Прогресс". 1993.

Махнач А.В. Жизнеспособность человека: новое понятие и новые вызовы // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. Е.А. Сергиенко, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 551-578.

Махнач А.В. Взаимосвязь ценностных приоритетов с жизнеспособностью у кандидатов в замещающие родители // Сибирский психологический журнал. 2019. № 72. С. 93-113. DOI: 10.17223/17267080/72/5 (а).

Махнач А.В. Характеристики состава замещающей семьи и ее жизнеспособность // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. Т. 25. № 2. С. 46-51. DOI: 10.34216/2073-1426-2019-25-2-46-51 (б).

Мельникова Н.Н. Карьерные ориентации: гендерные различия и возрастная динамика // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2016. Т. 9. № 3. С. 76–86. DOI: 10.14529/psy160308.

Мид М. Культура и мир детства. / Пер. с англ. Ю. А. Асеева. М.: Наука, 1988. 429 с.

Мишина М.М. Проявление феномена интеллектуальной деятельности личности студентов // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2016. № 1 (3). С. 124-133.

Окаева Я.И. Инста-мама как новая социокультурная реальность // Семья и современный социум / Под ред. В.Л. Ситникова, С.А. Бурковой, Э.Б. Дунаевской. СПб.: Соц.-гуманит. знание, 2017. С. 163-170.

- Рыльская Е.А., Мошкина Л.Д.* Жизнеспособность в структуре интегральной индивидуальности студентов // Психология. Психофизиология, 2021. Т. 14. № 4. С. 24–36. DOI: 10.14529/jrpps210403.
- Савостина Е.А., Смирнова И.Н., Хасбулатова О.А.* STEM: профессиональные траектории молодежи (Гендерный аспект) // Женщина в российском обществе, 2017. № 3. С. 33-44. DOI: 10.21064/WinRS.2017.3.3.
- Семья и дети в современном мире: Сборник материалов Международной конференции (Санкт-Петербург, 22-23 апреля 2019 г). Том. V. ред. В.Л. Ситникова. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2020. 1610 с.
- Berezin Cohen N., Netzer I.* Women in combat roles: themes characterising adjustment in the Israel Defense Force-a pilot study // BMJ: British medical journal: Mil Health. 2020-02-20. DOI: 10.1136/jramc-2019-001216.
- Jimura S., Taku K.* Gender differences in relationship between resilience and Big Five personality traits in Japanese adolescents // Psychological Reports. 2018. Vol. 121(5). P. 920–931. DOI: 10.1177/0033294117741654.
- Hu J., Feng B., Zhu Y., Wang W., Zheng J. X. X.* Gender differences in PTSD: Susceptibility and resilience // Gender Differences in Different Contexts. Edited by Aida Alvinus. 2017. P. 21-42. DOI: 10.5772/65287.
- Yu. N.* Using systemizing-empathizing theory to explore individual differences in resilience by brain types // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. International Conference on Mental Health and Humanities Education (ICMHHE 2020). (March 27-29, 2020 in Wuhan, China). 2020. Vol. 433. P. 68-78 DOI:10.2991/assehr.k.200425.015.
- Zhang M., Zhang J., Zhang F., Zhang L., Feng D.* Prevalence of psychological distress and the effects of resilience and perceived social support among Chinese college students: does gender make a difference? // Psychiatry Research. 2018. Vol. 267. P. 409–413. DOI: 10.1016/j.psychres.2018.06.038.
- Ungar M., Liebenberg L.* Assessing resilience across cultures using mixed methods: Construction of the child and youth resilience measure // Journal of Mixed Methods Research. 2011; 5(2): 126–149. DOI: 10.1177/1558689811400607.
- Ungar M., Liebenberg L.* The Resilience Research Centre Adult Resilience Measure (RRC-ARM). User's manual: research. Halifax : RRC, 2013.
- Unger, R. K.* Imperfect reflections of reality: Psychology constructs gender // Making a difference: Psychology and the construction of gender. R. T. Hare-Mustin, J. Marecek (Eds.). New Haven, CT: Yale University Press 1990, 102-149.

AGE AND GENDER DIFFERENCES IN HUMAN RESILIENCE. PART 2

© 2022 Anna I. Laktionova

Ph.D., Senior Researcher;
Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow
E-mail: apan@inbox.ru

The article is devoted to studying the dynamics of resilience development in men and women. Hypotheses of the research: the dynamics of resilience development in men and women has its own specifics and differs in different age periods. The general sample of research is 722 persons. Age 15-65 years old. Of them: men - 362 people, average age 30 years (min - 15 max - 65); women - 360 people, average age 32.39 (min - 15 max - 65). Research methods: Child and Youth Resilience Measure (CYRM) test; Resilience Research Center Adult Resilience Measure (RRC-ARM). Research Findings: 1. The hypothesis of the study that the dynamics of resilience development in men and women has its own specifics and differs at different age periods was confirmed partially. Differences are observed only in the groups of 18-25 and 26-45 years old. There are no differences in the dynamics of resilience development between men and women in the 15-17 and 46-65 age groups. 2. In girls 18-25 years compared to 15-17 years, only indicators of individual and family resilience decrease, values of contextual resilience remain the same. In the group of 18-25-year-olds, all resilience indicators (including contextual resilience) decrease compared to the group of 15-17-year-olds. 3. In 26-45-year-old women, all resilience indicators are significantly higher than in 18-25-year-olds. Only contextual resilience scores increase significantly in 26-45-year-old men compared to 18-25-year-olds. There are no other differences. 4. Despite the fact that both boys and girls at 18-25 years old have lower indicators of family and individual resilience compared to the groups of 15-17 years old, and boys have lower indicators of contextual resilience, the latter still have higher indicators than girls of this age. Thus, women of 26-45 years "catch up" with men in assessing the resources of their resilience and all differences between them are leveled.

Key words: resilience, gender differences, age differences, dynamics of development, age periods.

REFERENCES

- Ballayeva, Ye. A. (2015). Ustoychivost' sovremennoy sem'i v Rossii i gendernyye otnosheniya [Sustainability of the modern family in Russia and gender relations]. *Nastoyashcheye i budushcheye sem'i v menyayushchemsya mire. [Present and future of the family in a changing world]*. (pp. 193-200). Moscow: Ekon-Inform. (in Russian).
- Bern, SH. (2007) *Gendernaya psikhologiya. Zakony muzhskogo i zhenskogo povedeniya [Gender psychology. Laws of male and female behavior]*. (S. Rysev Trans.). Sankt-Peterburg.: Praym-YEVROZNAK. (in Russian).
- Gareyeva, I.A., Stepanova, A.P. (2019). Vliyaniye gendernykh razlichiy na sotsial'noye samochuvstviye naseleniya [Influence of gender differences on the social well-being of the population]. *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii [Power and Management in the East of Russia]*, 3 (88), 73–80. (in Russian). DOI: 10.22394/1818-4049-2019-88-3-73-80
- Giddens, E. (1999). *Sotsiologiya [Sociology]*. (V. Malysenko Trans.). Moscow: Editorial URSS. (in Russian).
- Yemel'yanova, T.P., Semenova, T.V. (2021). Sotsial'noye samochuvstviye molodezhi: psikhologo-politicheskiye aspekty [Social well-being of youth: psychological and political aspects]. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor]*, 6 (4), 87 - 102. (in Russian). DOI: 10.38098/ipran.opwp_2021_21_4_004
- Yerofeyeva, M.A., Klyuchko, O.I. (2020). Predstavleniya o normakh zhenskogo povedeniya u rossiyskoy studencheskoy molodezhi [Ideas about the norms of female behavior among Russian students]. *Chelovecheskiy kapital [Human capital]*, 10(142), 223-233. (in Russian). DOI: 10.25629/HC.2020.10.19.
- Karapetyan, L.V., Glotova, G.A. (2018). Issledovaniye parametrov emotsional'no-lichnostnogo blagopoluchiya rossiyskikh studentov (okonchaniye) [Study of the parameters of emotional and personal well-being of Russian students]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14: Psikhologiya [Bulletin of Moscow University. Series 14: Psychology]*, 3, 60-75. (in Russian). DOI: 10.11621/vsp.2018.03.60
- Kletsina, I.S. (2003). Teoreticheskiye osnovaniya psikhologii gendernykh otnosheniy [Theoretical Foundations of the Psychology of Gender Relations]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena [Proceedings of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen]*, 3 (6), 154-166 (in Russian).
- Kletsina, I. S., Ioffe, Ye. V. (2019). Normy zhenskogo povedeniya: traditsionnaya i sovremennaya modeli [Norms of female behavior: traditional and modern models].

Zhenshchina v rossiyskom obshchestve [Woman in Russian Society], 3, 72—90 (in Russian). DOI: 10.21064/WinRS.2019.3.6

- Kletsina, I.S., Vekilova, S.A. (2020). Gendernyye otnosheniya v rossiyskoy sem'ye: tendentsii transformatsiy [Gender relations in the Russian family: tendencies of transformation]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve [Woman in Russian society]*, 3, 78—91. (in Russian). DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.7
- Kon, I. S. (2011). Tri v odnom: seksual'naya, gendernaya i semeynaya revolyutsii [Three in one: sexual, gender and family revolutions]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology]*, 14 (1), 51—65. (in Russian).
- Kuftyak, Ye.V. (2017). Vozrastnyye i gendernyye osobennosti zhiznesposobnosti v yunosheskom vozraste [Age and gender characteristics of resilience in adolescence]. *Vestnik KGU Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika [Bulletin of KSU Pedagogy. Psychology. Sociokinetics]*, 4, 31-33. (in Russian).
- Laktionova, A.I. (2017). Vzaimosvyaz' smyslovykh obrazovaniy i reflektivnosti s zhiznesposobnost'yu cheloveka [The relationship of semantic formations and reflexivity with human resilience]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]*, 38(5), 37—50. (in Russian). DOI: 10.7868/S0205959217050038.
- Laktionova, A.I. (2021). Vozrastnye i gendernye razlichija zhiznesposobnosti cheloveka. Chast' 1 [Age and gender differences in human resilience. part 1]. *Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Organizacionnaya psihologiya i psihologiya truda. [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and psychology of work]*, 6(4), 103 - 133. (in Russian). DOI: 10.38098/ipran.opwp_2021_21_4_005.
- Levontin, R. (1993). *Chelovecheskaya individual'nost': nasledstvennost' i sreda [Human individuality: heredity and environment]*. (S. Egorova Trans.) Moskva: Izdatel'skaya gruppa "Progress".
- Makhnach, A.V. (2018). Zhiznesposobnost' cheloveka: novoye ponyatiye i novyye vyzovy [Human resilience: a new concept and new challenges]. *Razrabotka Ponyatij Sovremennoy Psikhologii [Development of Concepts of Modern Psychology]*, E.A. Sergiyenko, A.L. Zhuravlev (Eds.). (pp. 551-578). Moscow: Institute of Psychology RAS Publ. (in Russian).
- Makhnach, A.V. (2019). Vzaimosvyaz' tsennostnykh prioritetov s zhiznesposobnost'yu u kandidatov v zameshchayushchiye roditeli [The relationship of value priorities with resilience among candidates for foster parents]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal [Siberian Psychological Journal]*, 72, 93-113. (in Russian). DOI: 10.17223/17267080/72/5 (a).

- Makhnach, A.V. (2019). Kharakteristiki sostava zameshchayushchey sem'i i yeye zhiznesposobnost' [Characteristics of the composition of the substitute family and its viability]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika [Bulletin of the Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics]*, 25 (2), 46-51. (in Russian). DOI: 10.34216/2073-1426-2019-25-2-46-51 (b).
- Mel'nikova, N.N. (2016) Kar'yernyye orientatsii: gendernyye razlichiya i vozrastnaya dinamika [Career orientations: gender differences and age dynamics]. *Vestnik YUUrGU. Seriya «Psikhologiya» [Bulletin of SUSU. Series "Psychology"]*, 79, 9 (3), 76–86. (in Russian). DOI:10.14529/psy160308.
- Mid, M. (1988). *Kul'tura i mir detstva [Culture and the World of Childhood]*. (A. Aseyeva Trans.). Moscow: Nauka Publ. (in Russian).
- Mishina, M.M. (2016). Proyavleniye fenomena intellektual'noy deyatel'nosti lichnosti studentov [Manifestation of the phenomenon of intellectual activity of students' personality]. *Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovaniye [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Psychology. Pedagogy. Education]*, 1 (3), 124-133. (in Russian).
- Okayeva, YA.I. (2017). Insta-mama kak novaya sotsiokul'turnaya real'nost' [Insta-mother as a new socio-cultural reality]. *Sem'ya i sovremennyy sotsium [Family and modern society]*. V.L. Sitnikova, S.A. Burkovoy, E.B. Dunayevskoy. (Eds.). (pp. 163-170). Sankt-Peterburg.: Sots.-gumanit. Znaniye. (in Russian).
- Ryl'skaya, Ye.A., Moshkina, L.D. (2021). Zhiznesposobnost' v strukture integral'noy individual'nosti studentov [Resilience in the structure of integral individuality of students]. *Psikhologiya. Psikhofiziologiya [Psychology. Psychophysiology]*, 14 (4), 24–36. (in Russian). DOI: 10.14529/jpps210403.
- Savostina, Ye.A., Smirnova, I.N., Khasbulatova, O.A. (2017). STEM: professional'nyye trayektorii molodezhi (Gendernyy aspekt) [STEM: Professional Trajectories of Youth (Gender Aspect)]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve [Woman in Russian Society]*, 3, 33- 44. (in Russian). DOI: 10.21064/WinRS.2017.3.3.
- Sem'ya i deti v sovremennom mire: Sbornik materialov Mezhdunarodnoy konferentsii (2020). [Family and children in the modern world: Proceedings of the International Conference], (Sankt-Peterburg, 22-23 aprelya 2019 g). Tom. V. V.L. Sitnikova. (Eds.). Sankt-Peterburg.: Rossiyskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet im. A.I. Gertsena
- Berezin Cohen, N., Netzer, I. (2020). Women in combat roles: themes characterising adjustment in the Israel Defense Force-a pilot study. *British medical journal: Mil Health*. 2 (20). DOI: 10.1136/jramc-2019-001216.

- Imura, S., Taku, K. (2018). Gender differences in relationship between resilience and Big Five personality traits in Japanese adolescents. *Psychological Reports*. 121(5). 920–931. DOI: 10.1177/0033294117741654.
- Hu, J., Feng, B., Zhu, Y., Wang, W., & Zheng, J. X. X. (2017). Gender differences in PTSD: Susceptibility and resilience. *Gender Differences in Different Contexts*. Aida Alvinus (Ed.). (pp.21-42). IntechOpen. <https://doi.org/10.5772/65287>.
- Yu, N.. (2020). Using systemizing-empathizing theory to explore individual differences in resilience by brain types. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research. International Conference on Mental Health and Humanities Education (ICMHHE 2020)*. (March 27-29, 2020 in Wuhan, China). 433. P. 68-78 DOI:10.2991/assehr.k.200425.015
- Zhang, M., Zhang, J., Zhang, F., Zhang, L., Feng, D. (2018) Prevalence of psychological distress and the effects of resilience and perceived social support among Chinese college students: does gender make a difference? *Psychiatry Research*. 267:409–13. DOI: 10.1016/j.psychres.2018.06.038
- Ungar, M., Liebenberg, L. (2011). Assessing resilience across cultures using mixed methods: Construction of the child and youth resilience measure. *Journal of Mixed Methods Research*. 5(2): 126–149. DOI: 10.1177/1558689811400607.
- Ungar, M., Liebenberg, L. (2013). *The Resilience Research Centre Adult Resilience Measure (RRC-ARM)*. Halifax: RRC.
- Unger, R. K. (1990). Imperfect reflections of reality: Psychology constructs gender. Making a difference: Psychology and the construction of gender. R. T. Hare-Mustin, J. Marecek (Eds.). (pp.102-149). New Haven, CT: Yale University Press

The article was received: 15.01.2022. Published online: 01.04.2022

Библиографическая ссылка на статью:

Лактионова А.И. Возрастные и гендерные различия жизнеспособности человека. Часть 2 // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2022. Т. 7. № 1. С. 96 - 119. DOI:10.38098/ipran.opwp_2022_22_1_005

Laktionova, A.I. (2022). Vozrastnyye i gendernyye razlichija zhiznesposobnosti cheloveka. Chast' 2 [Age and gender differences in human resilience. part 2]. *Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Organizacionnaya psihologiya i psihologiya truda. [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and psychology of work]*. 7.(1). 96 - 119. DOI:10.38098/ipran.opwp_2022_22_1_005

Адрес статьи: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document758.pdf>